

МЕМУАРЫ КАК ИСТОЧНИК РЕКОНСТРУКЦИИ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА А.М. ГОРЬКОГО В ГЕРМАНИИ

© 2023 г. О.А. Клинт

Статья подготовлена в Институте мировой литературы имени А.М. Горького РАН за счет гранта Российского научного фонда (РНФ, проект № 21-18-00131 «А.М. Горький в Германии: писатель и его окружение в социокультурном и литературно-медийном пространстве»).

Аннотация: Мемуары являются важным источником реконструкции жизни и творчества А.М. Горького в Германии. Немецкий период (1921–1923) занимает важное место во взаимоотношениях А.М. Горького и В.Ф. Ходасевича. Этот этап жизни и творчества А.М. Горького представляется наименее изученным. Берлинское окружение Горького, который играл важную роль в немецком социокультурном и литературно-медийном пространстве, было чрезвычайно широким, но именно В.Ф. Ходасевич занимал в нем особое место. Через изучение его взаимоотношений с Горьким можно воссоздать многое в немецком периоде писателя — горьковский текст Ходасевича важен для заполнения в нем лакун. Ходасевич — не только участник, но и первый историк важного горьковского начинания — журнала «Беседа» (1923). Оценки и суждения Ходасевича, его горьковский текст занимают центральное место в реконструкции судьбы Горького немецкого периода. Природа книги Н.Н. Берберовой «Курсив мой» сложная: и литературная, и мемуарная. Однако «горьковский текст» Берберовой подчеркнута документален. Он создан по дневниковым записям, сделанным в доме писателя. Воспоминания Берберовой о Горьком помогают реконструировать малоизученный немецкий период жизни и творчества писателя. Эта реконструкция была частично проведена В.Ф. Ходасевичем. Но этот опыт не умаляет ценность книги Берберовой. «Курсив мой» Берберовой — своего рода хроника жизни Горького, в том числе в Германии, которая важна для летописи жизни и творчества писателя. У Берберовой во временной организации описания первой встречи

с Горьким доминирует вечер. Семантический центр жизни Горького в Саарове — воскресный обед в доме писателя. Формально немецкий период Горького охватывал 1921–1923 гг. Однако верхнюю планку не по географическому принципу Берберова поднимает до 1924 г.

Ключевые слова: А.М. Горький, В.Ф. Ходасевич, Германия, Берлин, горьковский текст Ходасевича, журнал «Беседа», Н.Н. Берберова, Германия, «горьковский текст» Берберовой, словесный портрет.

Информация об авторе: Олег Алексеевич Клинг — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории литературы филологического факультета, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, ул. Ленинские горы, д. 1, 119991 г. Москва, Россия; ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия.

E-mail: okling@yandex.ru

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-1543-5253>

Для цитирования: *Клинг О.А.* Мемуары как источник реконструкции жизни и творчества А.М. Горького в Германии // А.М. Горький в Германии: писатель и его окружение в социокультурном и литературно-медийном пространстве / отв. ред. О.А. Клинг. М.: ИМЛИ РАН, 2023. С. 33–55. <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0724-3-33-55>

MEMOIRS AS A SOURCE FOR RECONSTRUCTING THE LIFE AND WORK OF A.M. GORKY IN GERMANY

© 2023. Oleg A. Kling

Acknowledgements: This article was prepared in A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences as part of the Russian Science Foundation grant (RSF, project № 21-18-00131, “A.M. Gorky in Germany: the Writer and his Environment in the Sociocultural and Literary-Media Space”).

Abstract: Memoirs are an important source for the reconstruction of A.M. Gorky’s life and work in Germany. The German period (1921–1923) takes an important place in the relationship between A.M. Gorky and V.F. Khodasevich. This stage of Gorky’s life and work is the least studied. The Berlin surroundings of Gorky, who played an important role in the German sociocultural

and literary-media space, were extremely wide, but it was V.F. Khodasevich who occupied a special place in it. Through the study of his relationship with Gorky, it is possible to recreate much in the writer's German period — Khodasevich's text is important for filling gaps in it. Khodasevich is not only a participant, but also the first historian of an important Gorky undertaking — the journal *Beseda* (1923). Khodasevich's assessments and judgments, and his Gorky text, are central to the reconstruction of Gorky's fate in the German period. The nature of N.N. Berberova's book "My Italics" is complex: both literary and memoir. However, Berberova's "Gorky text" is emphatically documentary. It is created by diary entries made in the home of the writer. Berberova's recollections of Gorky help to reconstruct the little-studied German period of the writer's life and work. This reconstruction was partly carried out by V.F. Khodasevich. But this experience does not diminish the value of Berberova's book. Berberova's *Italics* is a kind of chronicle of Gorky's life, including his staying in Germany, which is important for chronicling the writer's life and work. In Berberova, the temporal organization of the description of the first meeting with Gorky is dominated by the evening. The semantic center of Gorky's life in Saarow is the Sunday dinner at the writer's home. Formally, Gorky's German period covered the years 1921–1923. However, Berberova raises the upper bar not on the geographical principle to 1924.

Keywords: A.M. Gorky, V.F. Khodasevich, Germany, Berlin, Khodasevich's Gorky text, the "Beseda" journal, N.N. Berberova, Berberova's "Gorky text," verbal portrait.

Information about the author: Oleg A. Kling, DSc in Philology, Professor, Head of the Department of Theory of Literature, Philological Faculty, Lomonosov Moscow State University, Leninskiye Gory, 1, 119991 Moscow, Russia; Leading Research Fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia.

E-mail: okling@yandex.ru

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-1543-5253>

For citation: Kling, O.A. "Memoirs as a Source for Reconstructing the Life and Work of A.M. Gorky in Germany." *A.M. Gor'kii v Germanii: pisatel' i ego okruzhenie v sotsio-kul'turnom i literaturno-mediinom prostranstve* [A.M. Gorky in Germany: the Writer and his Environment in the Sociocultural and Literary-Media Space]. Ex. ed. Oleg A. Kling. Moscow, IWL RAS Publ., 2023, pp. 33–55. (In Russian) <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0724-3-33-55>

Мемуары являются важным источником реконструкции жизни и творчества А.М. Горького в Германии. Немецкий период (1921–1923) занимает важное место во взаимоотношениях А.М. Горького и В.Ф. Ходасевича. Правда, этот этап жизни и творчества А.М. Горького наименее изученный. И это большое упущение. Горький и во время жизни в Германии стоял в центре мировых политических и литературных событий. Он играл важную роль в немецком социокультурном и литературно-медийном пространстве. В том числе литературной жизни Берлина. Писатель, авторитет которого в Германии был чрезвычайно высок (стоял в одном ряду с И.С. Тургеневым, Ф.М. Достоевским и Л.Н. Толстым), оказался связующим звеном в политических и культурных процессах двух стран, игравших ведущую роль в мировой политике. Произведения Горького значительно влияют на немецких писателей. Однако он был в центре не только «немецкого», но и «русского» Берлина. Окружение Горького в Берлине чрезвычайно большое: М.И. Будберг, Андрей Белый, Н.И. Петровская, П.П. Крючков, А.Н. Толстой, С.С. Юшкевич, В.Б. Шкловский, И.Ф. Наживин, А.М. Ремизов, Б.А. Пильняк, Н.Н. Берберова, С.А. Есенин, П.П. Муратов, И.П. Ладыжников, Роман Гуль, Г.Д. Гребенщиков, др. Каждый из перечисленных заслуживает особого внимания и сам по себе, и в связи с Горьким, но В.Ф. Ходасевич занимает в этом окружении особое место. Через изучение его взаимоотношений с Горьким можно воссоздать многое в немецком периоде писателя. В этих взаимоотношениях было несколько этапов: заочный — петроградский — немецкий — итальянский. В данной статье речь идет о немецком периоде, хотя эти этапы и связаны между собой, порой наплывают друг на друга.

Отзыв Ходасевича о Горьком в рецензии 1906 г. в «Золотом руне» на седьмую книгу товарищества «Знание» — пролог к теме «Горький и Ходасевич». Как подчеркивали И.П. Андреева и Н.А. Богомолов, «вместе с символистами выступая против «наивного» реализма знаньевцев, Ходасевич выделял произведения Л.Н. Андреева и М. Горького. В рецензии на «Нижегородский сборник» он назвал «пленительным по трогательности

набросок Горького «Идиллия» (Искусство, 1905, № 5–7. С. 172)»¹. Исследователи отмечают, что на первых порах такая позиция противоречила брюсовской в «Весах» (1905, № 4): «Горький исписался»². И.П. Андреева и Н.А. Богомолов писали, что «в пьесе «Дети солнца» Ходасевич увидел поворот к символизму»³. Ходасевич вопрошал в конце рецензии: «И не надо ли смотреть на “Детей солнца” как на одно из подтверждений слов Метерлинка о “приближении духовного периода”, о “пробуждении души”?»⁴ Однако вскоре после появления пьесы «Варвары» критик разочаровался в Горьком⁵.

Предыстория заочных отношений с Ходасевичем была и у Горького. Поэт вспоминал: «Весной 1908 года моя приятельница Нина Петровская была на Капри и видела на столе у Горького мою первую книгу стихов. Горький спрашивал обо мне, потому что читал все и интересовался всеми»⁶. Далее Ходасевич продолжает: «Однако долгие годы меж нами не было никакой связи. Моя литературная жизнь протекала среди людей, которые Горькому были чужды и которым Горький был так же чужд»⁷.

Стоит рассмотреть горьковский текст Ходасевича. Он не такой уж большой: два очерка воспоминаний, несколько писем Горькому. Однако этот горьковский текст Ходасевича чрезвычайно важен, в том числе для заполнения лакун в изучении Горького в немецкий период. Ходасевич, при всей разнице судеб, масштаба дарований, возраста, литературных и политических взглядов двух писателей, был одним из самых близких людей Горького в эмиграции (важнейшую роль в изучении

¹ Андреева И.П., Богатырева И.С., Бочаров С.Г., Бочарова И.А., Галушкин А.Ю., Зорин А.Л., Ранчин А.Б., Ратгауз М.Г. Комментарий // Ходасевич В.Ф. Собр. соч.: в 4 т. М.: Согласие, 1996. Т. 2. С. 539.

² Там же. С. 539.

³ Там же. С. 539.

⁴ Ходасевич В.Ф. Собр. соч.: в 4 т. М.: Согласие, 1996. Т. 1. С. 376–377.

⁵ Андреева И.П., Богатырева И.С., Бочаров С.Г., Бочарова И.А., Галушкин А.Ю., Зорин А.Л., Ранчин А.Б., Ратгауз М.Г. Комментарий // Ходасевич В.Ф. Собр. соч.: в 4 т. М.: Согласие, 1996. Т. 2. С. 539.

⁶ Ходасевич В.Ф. Собр. соч.: в 4 т. М.: Согласие, 1997. Т. 4. С. 151.

⁷ Там же. С. 151.

этой темы принадлежит И.А. Бочаровой, др. комментаторам в собрании сочинений Ходасевича. Н.А. Богомолов отмечал: «...Очень редко исследователи и мемуаристы пытались восстановить истинный облик писателя, последовательного и противоречивого, отважного и испуганного, счастливого и глубоко трагического. И среди лучшего в этом корпусе воспоминаний — мемуарные очерки Ходасевича...»⁸. Потому стоит подробно рассмотреть, как в посмертных очерках о Горьком Ходасевич воссоздает не только свои взаимоотношения с писателем, но и важнейшие события его жизни в Германии. Ядро этих взаимоотношений во время жизни в Германии заключено в цитируемом ниже отрывке: «Вражда Горького с Зиновьевым (впоследствии сыгравшая важную роль в моей жизни) закончилась тем, что осенью 1921 года Горький был принужден покинуть не только Петербург, но и советскую Россию. Он уехал в Германию. В июле 1922 г. обстоятельства личной жизни привели меня туда же. Некоторое время я прожил в Берлине, а в октябре Горький уговорил меня перебраться в маленький городок Saarow, близ Фюрстенвальде. Он там жил в санатории, а я в небольшом отеле возле вокзала. Мы виделись каждый день, иногда по два и по три раза. Весной 1923 г. я и сам перебрался в тот же санаторий. Сааровская жизнь оборвалась летом, когда Горький с семьей переехал под Фрейбург. Я думаю, что тут были кое-какие политические причины, но официально все объяснялось болезнью Горького. Мы расстались. Осенью я ездил на несколько дней во Фрейбург, а затем, в ноябре, уехал в Прагу. Спустя несколько времени туда приехал Горький, поселившийся в отеле “Беранек”, где жил и я. Однако обоих нас влекло захолустье, и в начале декабря мы переселились в пустой, занесенный снегом Мариенбад. Оба мы в то время хлопотали о визах в Италию. Моя виза пришла в марте 1924 г., и так как деньги мои были на исходе, то я поспешил уехать, не дожидаясь Горького. Проведя неделю в Венеции и недели три в Риме, я уехал оттуда 13 апреля — в тот самый день, когда Горький вечером должен был приехать.

⁸ Богомолов Н.А. У истоков трагедии // Ходасевич В.Ф. Воспоминания о Горьком. М.: Правда, 1989. С. 5.

Денежные дела заставили меня прожить до августа в Париже, а потом в Ирландии. Наконец, в начале октября, мы съехались с Горьким в Сорренто, где и прожили вместе до 18 апреля 1925 г. С того дня я Горького уже не видал.

Таким образом, мое с ним знакомство длилось семь лет. Если сложить те месяцы, которые я прожил с ним под одною кровлей, то получится года полтора, и потому я имею основания думать, что хорошо знал его и довольно много знаю о нем»⁹.

В этом фрагменте проявились если не все, то многие черты прозы Ходасевича: соединение объективности и в то же время субъективности повествования, правда фактов и старание избежать стихии вымыслов, соединение стилей историка и участника описываемых событий.

В общении Горького и Ходасевича длиною в семь лет немецкий период проходил с июня 1922 по март 1924 г. Во второй части воспоминаний о Горьком Ходасевич более пространно воссоздает жизнь писателя в Германии. Мемуарист отмечает, что под воздействием Горького началось его участие в эмигрантской печати. Это только один из многочисленных других фактов участия Горького в организации медиапространства русского зарубежья. Ходасевич — не только участник, но и первый историк важного горьковского начинания — журнала «Беседа» (1923). События вокруг «Беседы» — центральный сюжет горьковского текста Ходасевича. Идея издавать «Беседу» принадлежала В.Б. Шкловскому, но без Горького этот проект не реализовался бы. Ходасевич писал: «Шкловский увлек своей затеей Горького и меня. Мы выработали план журнала. Редакция литературного отдела составила из Горького, Андрея Белого и меня. Научный отдел, введенный по настоянию Горького, был поручен профессорам Брауну и Адлеру»¹⁰. По предложению Ходасевича будущий журнал назвали «Беседой», в память о Державине, который оказал на него решающее влияние¹¹. Горький соглашается

⁹ Ходасевич В.Ф. Воспоминания о Горьком. М.: Правда, 1989. С. 154–155.

¹⁰ Там же. С. 360–361.

¹¹ Андреева И.П., Бочаров С.Г., Зорин А.Л., Сурат И.З. Комментарий // Ходасевич В.Ф. Собр. соч.: в 4 т. М.: Согласие, 1997. Т. 3. С. 541–545.

с таким названием журнала. Это свидетельство его доверия Ходасевичу, который считал себя в поэзии приемником Державина. В 1931 г. Ходасевич завершит роман «Державин», который закрепит в глазах читателей и критиков эту литературную связь. В случае с Горьким Ходасевич будет с нажимом подчеркивать свое исключительное право на наследие Державина. Когда Горький уже после возвращения в СССР поместит к книге «Державин. Стихотворения» (1933) свое предисловие к задуманной им серии «Библиотека поэта», критик напишет с сарказмом: «Трудно придумать сочетание имен, более нелепое и даже комическое: певец Ленина “опредисловил” певца Фелицы! Однако самое забавное – не сочетание это, а именно горьковская статья»¹².

Хотя Ходасевич отмечает и сильные стороны писателя («Горький есть человек несомненного и незаурядного литературного дарования. У него — зоркий глаз и умение весьма выразительно передать то, что сей глаз наблюдает. Свойства эти встречаются вовсе уж не так часто, и отрицать известную ценность их, так же как их наличность у Горького, было бы неправдиво»¹³), вывод его негативен: «Но как мыслитель вообще и как литературный теоретик в частности, Горький слаб. Чем реже он выступает на этом поприще, тем для него лучше»¹⁴.

Комментатор статьи «Научный камуфляж. — Советский Державин. — Горький о поэзии» в собрании сочинений Ходасевича в четырех томах И.А. Бочарова отмечает, что данная статья печатается по вырезке из парижской газеты «Возрождение», хранящейся в архиве Горького в ИМЛИ РАН: «...рукой Горького красным карандашом в ней отчеркнуто одно место, при этом не из последней части статьи, относящейся к самому Горькому, а, видимо, больше всего задевшая его фраза о колхозных библиотеках, где Державина “обратят на цыгарки”»¹⁵.

¹² Ходасевич В.Ф. Собр. соч.: в 4 т. М.: Согласие, 1996. Т. 2. С. 279.

¹³ Там же. С. 279.

¹⁴ Там же. С. 279.

¹⁵ Там же. С. 537.

И тем ценнее объективное свидетельство Ходасевича об источниках финансирования берлинского журнала «Беседа» в посмертном очерке о Горьком: «До сих пор ходят слухи, что он издавался на московские деньги. В действительности его выпускало издательство “Эпоха”, основанное на средства меньшевика Д. “Эпоха” тем охотнее пошла нам навстречу, что участие Горького, казалось, гарантировало допущение журнала в советскую Россию. Так же точно смотрел на дело и сам Горький, все еще веривший, что его авторитет у большевиков не окончательно утрачен»¹⁶.

Однако события с журналом «Беседа» и самим Горьким приняли драматичный оборот. Ходасевич так это описывает: «Весной 1923 г. появилась первая книжка “Беседы”. За ней последовала вторая. “Международная книга”, — берлинское советское учреждение, ведавшее книготорговлей, приобретала наш журнал в количестве не то десяти, не то двадцати экземпляров, уверяя, однако, что как только будет получено разрешение на ввоз “Беседы” в РСФСР, она будет покупать не менее тысячи. Горький писал в Москву письма — не знаю, кому, — при мне говорил о “Беседе” с приезжавшим в Saarow Рыковым, который в то время был заместителем Ленина. В ответ получались ссылки на канцелярскую волокиту и обещания уладить дело. Тогда он решился на репрессию: написал в Москву, что не будет сотрудничать в советских изданиях, пока “Беседу” не пропустят в Россию. Этого решения он придерживался даже ригористически»¹⁷.

До решения с допуском и продажей «Беседы» в России Горький отказывается от полученного через Ходасевича предложения напечатать в частном журнале «Россия», издававшемся в Москве, свой рассказ. «Характерно, что несколько месяцев тому назад существовали как будто только технические, канцелярские препятствия, а теперь оказывалось, что весь вопрос еще должен быть обсужден принципиально, то есть в высших инстанциях. В то же время стало обнаруживаться, что в России

¹⁶ Ходасевич В.Ф. Собр. соч.: в 4 т. М.: Согласие, 1997. Т. 4. С. 361.

¹⁷ Там же. С. 361.

косо смотрят на писателей, посылающих материал в “Беседу”. Рукописи оттуда почти не приходили, и таким образом отпал смысл всего предприятия.

Но Горький уже сжился с мыслью о свободном журнале. Кроме того, ему было необходимо настоять на своем, чтобы поддержать в Москве свой падающий авторитет, которым он весьма дорожил, несмотря на то что, кроме умирающего Ленина, ненавидел весь Кремль. Утратить этот авторитет — значило “испортить биографию”, потерять ореол любимца “революционных масс” и титул “буревестника”. Недаром Троцкий уже осмеливался открыто, в печати, называть его контрреволюционером¹⁸. В этой ситуации положение Горького в Германии оказывается сложным. По свидетельству Ходасевича, за Горьким «...по пятам ходили шпики: немецкие, — боявшиеся, что он сделает революцию, и советские, — следившие, как бы он не сделал контрреволюцию»¹⁹. Как фиксировал Ходасевич, «...Германии в самом деле грозила опасность превратиться в советскую республику. Надо было оттуда уезжать»²⁰. Горький и Ходасевич запрашивают итальянские визы и ждут их сначала в Праге, затем в Мариенбаде. Уже давно ходили слухи об охлаждении между Горьким и советским правительством. Горький сторонился эмигрантских кругов, хотя и не скрывал свои недовольства позиции по отношению к нему Москвы. Опять же через один из эмигрантских журналов «...просили узнать, не согласится ли Алексей Максимович в нем участвовать...»²¹, Ходасевич же «...передал вопрос Горькому и с его слов ответил, что в принципе это возможно, но эмигрантская печать должна первая сделать некоторые шаги к сближению»²².

Но этим планам не суждено было осуществиться. В них вмешивается еще один человек из окружения Горького в Германии, влиятельнее Ходасевича, — М.И. Будберг. Ходасевич вспоминал: «Не знаю, в какой степени серьезно отнесся Горь-

¹⁸ Там же. С. 361–362.

¹⁹ Там же. С. 362.

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

²² Там же.

кий к возможности своего участия в эмигрантском журнале. Думаю даже, что он только представлял себе это, как соблазнительный, но несбыточный поступок — вроде выхода из советского подданства, о чем он порой даже принимался писать заявление во ВЦИК, быть может — до слез умиляясь над этим трагическим посланием, о котором знал наперед, что никогда его не отправит по адресу. Как бы то ни было, он, по-видимому, рассказал Маре о полученном мною письме». В разговоре с Ходасевичем она настоятельно просила его не ссорить Горького с большевиками. «После этого разговора я стал замечать, что настроения Алексея Максимовича внушают окружающим беспокойство и что меня подозревают в дурном влиянии»²³ — писал Ходасевич.

После смерти Ленина Горький по настоянию своего окружения пишет воспоминания о нем, нарушив тем самым свое обещание не печататься в СССР, пока не разрешат ввозить туда журнал «Беседа». Тем не менее, по свидетельству Ходасевича, на письмо Н.К. Крупской с описанием последних дней Ленина «Горький ответил ей резким письмом, в котором категорически требовал допустить в Россию «Беседу»»²⁴.

На первых порах показалось, что письмо к Крупской возымело действие. В конце мая М.И. Будберг сообщила Ходасевичу радостное известие: «Беседа» допущена в Россию. Ходасевич отмечал, однако, важную деталь: сообщение Будберг о «Беседе» было сделано ею в виде приписки к письму Горького, «который сам мне об этом не обмолвился ни единым словом: не потому ли, что сомневался?»²⁵. И действительно радость была преждевременна. Как вспоминал Ходасевич, 26 июня С.Г. Сумский сообщил ему, что «Международная книга» обещает купить для советской России до тысячи экземпляров каждого номера. 25 августа он уже писал Ходасевичу, что, «по-видимому, разрешение дано А. М. для утешения, а «Беседу» приказано душиť». Наконец, во второй половине сентября, через четыре месяца после «разрешения», «Международная книга» купила по десяти

²³ Там же. С. 363.

²⁴ Там же. С. 364.

²⁵ Там же.

экземпляров 1, 2 и 3 номеров “Беседы” и по двадцати пяти экземпляров 4-го и 5-го номеров; итого – восемьдесят экземпляров вместо обещанных пяти тысяч. Тогда же обнаружилось, что даже те экземпляры, которые были посланы в Публичную библиотеку и Румянцевский музей, имевшие право получать книги из-за границы без цензуры, — вернулись в Берлин с надписью: “Запрещено к ввозу”. Стало ясно, что Сумский прав: Горького просто водили за нос»²⁶.

Как вспоминал Ходасевич, Горький говорил о большевиках с раздражением или с иронией. Чтение советских газет портило ему кровь. Но при встрече, к примеру, с приехавшим из Москвы московским писателем Андреем Соболев Горький надевал официальную советскую маску. Сразу после ухода Соболя маска снималась. «Соответственную личину надевал и Соболев при Горьком: ложь порождает ложь»²⁷, — не без укора подчеркивал Ходасевич.

Однажды Соболев не выдержал и стал жаловаться, что советская критика все более заменяется политическим сыском и доносами. Ходасевич решил написать об этом статью для берлинской газеты «Дни», издававшейся под редакцией А.Ф. Керенского. Услышав о затее со статьей, Горький был готов сделать для «Дня» приписку от себя, что он присоединяется к изложенному в статье. Ходасевич, однако, отговорил его от этого²⁸. И тем не менее Ходасевич понимал, что его и Горького пути расходятся. Он воздает должное старшему писателю («...ко мне лично Горький всегда относился очень хорошо, и за его бескорыстную, порой очень теплую дружбу я чувствовал признательность, о которой забыть не могу и теперь»²⁹), и тем не менее он предугадал: «...я уже как-то не видел будущей своей встречи с Горьким. Так и случилось»³⁰.

Берлинский сюжет с «Беседой» завершился, когда Ходасевич уже был в Париже. В своих воспоминаниях Ходасевич

²⁶ Там же. С. 364–365.

²⁷ Там же. С. 366.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же. С. 371.

³⁰ Там же.

приводит письмо Горького к нему: «“Беседа” — кончилась. Очень жалко... По вопросу — огромнейшей важности вопросу! — о том, пущать или не пущать “Беседу” на Русь, было созвано многочисленное и чрезвычайное совещание сугубо мудрых. За то, чтобы пущать, высказались трое: Ионов, Каменев и Белицкий, а все остальные: “не пущать, тогда Горький воротится домой”. А он и не воротился! Он тоже упрямый»³¹.

Ходасевич в ответном письме упрекнул Горького в истории с «Беседой» в лукавстве: почему некоторое время назад он скрыл, что журнал в России не разрешили. Горький оправдывался: разрешение было дано, но позже аннулировано. Ходасевич считал это ложью³². Он считал, что Горький шел с большевиками «на похабный мир... пока можно тянуть — жить за границей, а средства для жизни получать из России. Я понял и то, что дальнейшая полемика сведется к тому, что Алексей Максимович будет мне лгать, а я его буду уличать во лжи. Но эта работа мне давно уже была тяжела. Пора было ее бросить. Прострадав несколько дней, я решил не отвечать Горькому вовсе, никогда. На том кончились наши отношения»³³. Завершение истории с журналом «Беседа», начавшейся в немецкий период жизни и творчества Горького и частично продолжавшейся в итальянском, стала финалом взаимоотношений Горького и Ходасевича. Тем не менее Ходасевич довольно объективно и полно осветил важные моменты эмигрантской жизни писателя. Оценки и суждения Ходасевича, его горьковский текст занимают центральное место в реконструкции судьбы Горького немецкого периода.

В «Биографическом справочнике», который был составлен самой Н.Н. Берберовой и является органичной частью ее книги «Курсив мой», указывается: записи о жизни в доме А.М. Горького были сделаны в 1920-е годы. Природа книги «Курсив мой» сложная. Не в последнюю очередь, как отмечала А. Кузнецова,

³¹ Там же. С. 371.

³² Там же.

³³ Там же. С. 373–374.

она литературная³⁴, но не в меньшей степени и мемуарная. Для нас важно, однако, что «горьковский текст» Берберовой подчеркнуто документален. В лаконичном разделе о Горьком в «Биографическом справочнике» подчеркивается: по дневниковым записям, сделанным в доме Горького, «были написаны три очерка, напечатанные в “Последних новостях” в июне 1936 г., сейчас же после смерти Горького...»³⁵. Важное авторское дополнение: «Эти три очерка почти без изменений включены теперь в мою книгу»³⁶. Тем самым воспоминания о Горьком помогают реконструировать малоизученный немецкий период писателя. Эта реконструкция была частично проведена по воспоминаниям В.Ф. Ходасевича: он «довольно объективно и полно осветил важные моменты эмигрантской жизни писателя. Оценки и суждения Ходасевича, его горьковский текст занимают центральное место в реконструкции судьбы Горького немецкого периода»³⁷. Но этот опыт ни в коей мере не умаляет ценность книги Берберовой «Курсив мой». Чтобы избежать упреков во вторичности своих воспоминаний о Горьком по отношению к мемуарам Ходасевича, с которым оба они жили в доме Горького, Берберова писала: «Когда Ходасевич писал свою статью о Горьком в конце 1930-х годов, он, конечно, с моего позволения, воспользовался и моими записями, и самими очерками. Потому возможны совпадения»³⁸. Можно назвать воспоминания Берберовой и Ходасевича о Горьком двойными зеркалами (О.С. Кудлай), в которых отражается, то совпадая, то нет, их общий герой. Безусловно, воспоминания Берберовой — своего рода хроника жизни Горького, в том числе в Германии, которая важна для Летописи жизни и творчества писателя.

³⁴ Кузнецова Анна. Ее «Курсив...» // Берберова Н.Н. Курсив мой. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2021. С. 11.

³⁵ Берберова Н.Н. Курсив мой. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2021. С. 619.

³⁶ Там же С. 619.

³⁷ Клинг О.А. Немецкий период А.М. Горького в реконструкции В.Ф. Ходасевича // Новый филологический вестник. 2021. № 3 (58). С. 177.

³⁸ Берберова Н.Н. Курсив мой. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2021. С. 619.

Она существенно ее дополняет. В «Летописи жизни и творчества А.М. Горького» 1959 г. многочисленные факты, собранные Ходасевичем, уместились в две строчки: «Август, начало... декабрь. Встречается в Герингсдорфе и Саарове с поэтом В.Ф. Ходасевичем»³⁹. Берберова вообще не упоминается.

В книге «Курсив мой» напрямую переключается с Ходасевичем своеобразная интродукция к очерку о Горьком. Это «легенда», которая «пришла... через Ходасевича. Фоном ее была огромная квартира Горького на Кронкверском проспекте в Петербурге»⁴⁰. Интродукция почти дословно совпадает с тем местом очерка Ходасевича, где описываются обстоятельства жизни Горького послереволюционного петербургского периода. Но дальше в реконструкции жизни Горького Берберова все же идет своим путем. Правда, Берберова в начале мемуарной главы «Товий и Ангел» использует «краткие записи Ходасевича»⁴¹ о берлинской литературной жизни. Затем приводит «отдельный к ним листок “Встречи с Белым”»⁴². Про Горького она берет оттуда лишь один факт: «В Берлине Ходасевича ждало письмо Горького. Он выехал к Горькому в Херингсдорф сейчас же, как приехал, и провел там два дня»⁴³. Берберова не сопровождала мужа. И ее воспоминания о Горьком тоже не следуют за ним, они начинаются в том же Херингсдорф, где 27 августа 1922 г. на вилле Ирмгард произошло ее знакомство с писателем. Берберова еще раз подчеркивает хронологическое несовпадение ее и Ходасевича первое посещение Херингсдорфа: после приезда в Германию 30 июня 1922 г. там уже был Ходасевич⁴⁴. Она впервые посетила Горького вместе с Ходасевичем, как указано выше, 27 августа 1922 г. Но ее портрет Горького написан не от лица «мы»

³⁹ Летопись жизни и творчества А.М. Горького. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1959. Вып. 3: 1917–1929. С. 288.

⁴⁰ Берберова Н.Н. Курсив мой. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2021. С. 202.

⁴¹ Там же. С. 184.

⁴² Там же. С. 184–185.

⁴³ Там же. С. 184.

⁴⁴ Там же.

(я и Ходасевич), а «я» (Берберова): «И вот: первые минуты в столовой, пронзительный взгляд голубых глаз, глухой, с покашливанием голос, движения рук — очень гладких, чистых и ровных (кто-то сказал, как у солдата, вышедшего из лазарета), весь его облик высокого, сутулого человека, с впалой грудью и прямыми ногами. Да, у него была снисходительная, не всегда нравившаяся улыбка, лицо, которое умело становиться злым (когда краснела шея и скулы двигались под кожей), у него была привычка смотреть поверх собеседника, когда бывал ему задан какой-нибудь острый или неприятный вопрос, барабанивать пальцами по столу или, не слушая, напевать что-то. Все это было в нем, но, кроме этого, было еще и другое: природное очарование умного, не похожего на остальных людей человека, прожившего большую, трудную и замечательную жизнь. И в тот вечер я (курсив мой. — О.К.), конечно, видела только это очарование...»⁴⁵.

В этой зарисовке с натуры сиюминутное впечатление от облика персонажа. Но в ней есть и наслоение позднейших впечатлений, суждений: про руки писателя («кто-то сказал, как у солдата, вышедшего из лазарета»), «не всегда нравившаяся улыбка», «лицо, которое умело становиться злым», «привычка смотреть поверх собеседника». Но в этой зарисовке на первый план выдвигается «природное очарование» Горького. Берберова «видит только это очарование»⁴⁶. Здесь проявляется преимущество словесного материала в работе над портретом перед живописным: наложение нескольких пластов изображения, временных и пространственных, разных точек зрения. Это свойство распространяется не только на многочисленные другие берберовские портреты. Их много: Андрея Белого, И.А. Бунина, А.А. Блока, Д.С. Мережковского и З.Н. Гиппиус, других. Общее в них наложение первого зрительского восприятия героев своей книги на более поздние, личностного видения на чужое в том числе. Наиболее ярко это проявилось в описании знакомства с Мережковскими.

⁴⁵ Там же. С. 205.

⁴⁶ Там же.

Прием «сдвигения» (А.А. Ахматова о «Заблудившемся трамвае» Н.С. Гумилева) разных временных и пространственных планов есть и в структуре других, не портретных частей книги «Курсив мой». Это закономерно для мемуарной литературы. Потому в портретную часть врывается более позднее знание о Горьком, но тоже от своего «я»: «...я не знала еще, что многое из того, что говорится Горьким как бы для меня, на самом деле говорится всегда, при всякой новой встрече с незнакомым человеком, которого он хочет расположить к себе, что самый тон его разговора, даже движения, которыми он его сопровождает, — от его актерства, а не от непосредственного чувства к собеседнику»⁴⁷. Можно предположить, что от более позднего видения ядро преамбулы (второе предложение в горьковском сюжете) к очерку о Горьком мировоззренческое: «Не разрыв интеллигенции с народом, но разрыв между двумя частями интеллигенции казался мне всегда для русской культуры роковым. Разрыв между интеллигенцией и народом в России был гораздо слабее, чем во многих других странах»⁴⁸. Берберова уверяет: «В первый вечер у Горького я поняла, что этот человек принадлежит к другой части интеллигенции, чем те люди, которых я знала до сих пор»⁴⁹. Трудно судить, действительно ли это понимание водораздела между автором и персонажем сложилось в первый вечер знакомства. Стоит обратить внимание на смену временной организации первого дня знакомства с писателем: «Чай сменился обедом, в тишине столовой мы сидели вчетвером: Горький, Ходасевич, художник И.Н. Ракицкий... и я»⁵⁰. Но у Берберовой во временной организации доминирует вечер: «О чем говорилось в тот вечер? Сначала — о Петербурге»⁵¹. Горький, по свидетельству Берберовой, упоминал утро: «Как удачно вы приехали... сегодня утром все уехали, и Шаляпин, и Максим»⁵². Обед переходит в вечер: «Но к концу обеда с этим было

⁴⁷ Там же. С. 205–206.

⁴⁸ Там же. С. 204.

⁴⁹ Там же. С. 205.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Там же. С. 206.

⁵² Там же.

покончено. Разговор перешел на литературу, на современную литературу, на молодежь, на моих петербургских сверстников и наконец на меня. Как сотни начинающих, да еще, кроме стихов, ничего писать не умеющих, я должна была прочесть ему мои стихи»⁵³.

Берберова не раз обозначает время: *вечер*, создавая в сюжете о Горьком своеобразный аналог цветаевского «Нездешнего вечера», впервые опубликованного в парижских «Современных записках» (1936, № 61), только более камерный — с четырьмя участниками. Но это камертон воспоминаний об ушедшем из жизни к тому времени писателе.

Берберова передает впечатление Горького от своих стихов: «Он слушал внимательно...»⁵⁴, но тут же к сиюминутному, личностному добавляет обобщение: «...он всегда слушал внимательно, что бы ему ни читали, что бы ни рассказывали, — и запоминал на всю жизнь, таково было свойство его памяти. Стихи вообще он очень любил, во всяком случае, они трогали его до слез — и хорошие, и даже совсем не хорошие»⁵⁵. И тут же приводит наказ Горького, обращенный к ней: «Старайтесь... не торопитесь печататься, учитесь...»⁵⁶. И снова соединение в облике Горького своего и чужого: «Он был всегда — и ко мне — доброжелателен: для него человек, решивший посвятить себя литературе, науке, искусству, был свят»⁵⁷.

Реконструируется нездешний вечер: «Горничная, убрав со стола, ушла. За окном стемнело. Теперь Горький рассказывал. Много раз после этого вечера я слышала эти же самые рассказы о том же самом, рассказанные теми же словами таким же неопытным слушателям, какой была я тогда. Но, слушая Горького впервые, нельзя было не восхититься его даром... Часы показывали второй час ночи... Руки его лежали на столе, лицо с характерными открытыми ноздрями и висячими усами было поднято, голос, колеблясь, то удалялся от меня — и это значит, что

⁵³ Там же. С. 206.

⁵⁴ Там же. С. 205–206.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Там же. С. 206.

⁵⁷ Там же.

дремота одолевает меня, то приближался ко мне — и это значит, что я широко открываю глаза, боюсь заснуть. Что делать! Морской воздух, путешествие, молодость делали то, что я с трудом удерживалась от того, чтобы не положить голову на стол.

Ему не надо было ставить вопросов. Подпершись одной рукой, другой шевеля перед собой, он говорил и курил; когда закуривал, то не гасил спичек, а складывал из них в пепельнице костер. Наконец он взглянул на меня пристально.

— Пора спать, — сказал он улыбаясь, — уведите поэтессу⁵⁸.

Берберова завершает описание «нездешнего вечера»: «Художник Ракицкий, исполнявший в доме должность хозяйки за отсутствием таковой, отвел меня наверх... В этой комнате еще накануне ночевал Шаляпин, которого я до того видела всего два раза на сцене, в России, и мне казалось, что в воздухе еще витает его тень. Когда я осталась одна, я долго сидела на постели. Я слышала за стеной кашель Горького, его шаги, перелистывание страниц (он читал перед сном). Всякое суждение о том, что я видела и слышала, я откладывала на потом»⁵⁹. И эти суждения Берберова действительно отложила «на потом» — в свои мемуары.

По-иному, чем первый «нездешний вечер» с Горьким 27 августа 1922 г. в Херингсдорфе, Берберова структурирует еще один немецкий отрезок жизни писателя — в Саарове. Берберова в стиле летописи пишет: «25 сентября 1922 года Горький переехал в Сааров, в полутора часах езды по железной дороге от Берлина, в сторону Франкфурта-на-Одере, а в начале ноября он уговорил и нас переехать туда. Мы поселились в двух комнатах в гостинице около вокзала»⁶⁰. Кстати, преамбула еще к описанию первого знакомства с Горьким — в ней со слов Ходасевича речь шла о квартире писателя на Кронверкской — связана и сюжетом в Саарове: «“Кронверкская” атмосфера, дух постоянного двора в доме Горького, возобновилась в Саарове, в тихом дачном месте, пустом зимой, на берегу большого озера... “Кронверкская” атмосфера возобновилась, правда, только по воскресеньям: уже с утренним поездом из Берлина начинали

⁵⁸ Там же. С. 207–208.

⁵⁹ Там же. С. 208.

⁶⁰ Там же.

приезжать люди близкие и случайные, но преимущественно, конечно, так называемые “свои”, которых было не мало»⁶¹. Семантический центр жизни Горького в Саарове — воскресный обед в доме писателя.

«И вот накрывается стол на двенадцать человек, со всего дома сносятся стулья. М.И. Будберг, секретарша и друг Горького, разливает суп»⁶². Берберова прерывает текущий хронотоп своей зарисовки и помещает краткий экскурс в жизнь Будберг, который является своеобразной аннотацией, рекламой к ее книге «Железная женщина». Но снова возвращается к текущему времени и пространству: «Итак: М.И. Будберг разливает суп. Разговор за столом шумный, каждый словно говорит для себя, никого не слушая. Мария Федоровна говорит, что клецки в супе несъедобны, и спрашивает, верю ли я в Бога. Семен Юшкевич, смотря вокруг себя грустными глазами, о том, что все ни к чему, и скоро будет смерть, и пора о душе подумать. Андрей Белый с напряженной улыбкой сверлящими глазами смотрит себе в тарелку — ему забыли дать ложку, и он молча ждет, когда кто-нибудь из домашних это заметит. Он ошеломлен шумом, хохотом на “молодом” конце стола и гробовым молчанием самого хозяина, который смотрит поверх всех, барабанит по столу пальцами и молчит — это значит, что он не в духе. Тут же сидят Ходасевич, Виктор Шкловский, Сумский (издатель “Эпохи”), Гржебин, Ладыжников (старый друг Горького и его издатель тоже), дирижер и пианист Добровейн, другие гости. Только постепенно Горький оттаивает, и к концу обеда затевается уже стройный разговор, преимущественно говорит сам Горький, иногда говорит Ходасевич или Белый... Но Белый здесь не такой, как всегда, здесь его церемонная вежливость бывает доведена до крайних пределов, он соглашается со всеми, едва вникая, даже с Марией Федоровной в том, что курица пережарена. И сейчас же до слез смущается»⁶³.

⁶¹ Там же. С. 208.

⁶² Там же.

⁶³ Там же. С. 210–211.

Себя Берберова не упоминает, хотя мы видим происходящее за столом ее глазами. Она возвращается к конкретному эпизоду с Белым («Но может быть, это был самый верный тон, тон Белого в разговорах с Горьким?») и добавляет обобщение вневременного характера: «Спорить с Горьким было трудно. Убедить его в чем-либо нельзя было уже потому, что он имел удивительную способность: не слушать того, что ему не нравилось, не отвечать, когда ему задавался вопрос, на который у него не было ответа. Он “делал глухое ухо”, как выражалась М.И. Будберг... он до такой степени делал это “делал глухое ухо”, что оставалось только замолчать. Иногда, впрочем, не “делал глухое ухо”, он с злым лицом, красный вставал и уходил к себе, в дверях напоследок роняя: — Нет, это не так. — И спор бывал окончен»⁶⁴.

Прием, использованный в описании Будберг (сначала «живая» картинка с супом, потом экскурс в ее биографию), повторяется при передаче “кронверкской” атмосферы в описании других гостей горьковского дома. После Будберг идет, как ее называет Берберова, «вторая жена», на самом деле гражданская жена Горького М.Ф. Андреева. Берберова хотела создать и написала мировой бестселлер, но почему-то не упомянула и сотой части фактов из ее жизни, которые могли потрясти мир. Интересно, что, передавая ее речь, писательница пометает курсивом слово «вилла» из ее лексикона. Не отсюда ли в том числе выросло название книги «Курсив мой». С титулом «железной женщины» Будберг могла конкурировать первая жена Горького — Е.П. Пешкова. Но Берберова не педалировала эти темы. Только иронично прокомментировала: «Мария Федоровна не приезжала в те дни, когда к Горькому приезжала Екатерина Павловна — первая его жена и мать его сына. Она была совсем в другом роде. Приезжала она прямо из Москвы, из кремлевских приемных, заряженная всевозможными новостями. Тогда из кабинета Горького слышалось: “Владимир Ильич сказал... А Феликс Эдмундович на это ответил...”»⁶⁵.

⁶⁴ Там же. С. 211.

⁶⁵ Там же. С. 209.

И еще один парный контраст «двух жен»: «С Марией Федоровной приезжал П.П. Крючков, доверенное лицо Горького, что-то вроде фактотума; позже Сталин доказал, что он был “врагом народа”, и расстрелял его после того, как Крючков во всем покался... С Екатериной Павловной приезжал некто Мих. Конст. Николаев, заведующий Международной книгой. Он говорил мало и больше играл в саду с собакой»⁶⁶.

Формально немецкий период Горького охватывал 1921–1923 гг. Однако верхнюю планку не по географическому принципу можно поднять до 1924 г. Не случайно Берберова пишет: «Первая “немецкая” зима сменилась второй — хоть и в Чехии протекала она, но в самом *немецком* (курсив мой. — О.К.) ее углу, в мертвом, заколоченном не в сезон Мариенбаде. Мы поехали туда за Горьким из Праги»⁶⁷. Здесь Горький пишет «Дело Артамоновых», которое Берберова высоко ценила. Структурным центром этой, мариенбадской части автор делает страсть к кинематографу: «Один раз в неделю, по субботам, за ужином, Горький делал хитрое лицо и осведомлялся, не слишком ли на дворе холодно. Это значило, что сегодня мы поедem в кинематограф. Сейчас же посылали за извозчиком — кинематограф был на другом конце города... и вот парные широкие сани стоят у крыльца гостиницы “Максхоф” (а не Саварин, как сказано в Краткой литературной энциклопедии), мы садимся — все семеро: М.И. Будберг и Горький на заднее сиденье, Ходасевич и Ракицкий на переднее, Н.А. (по прозвищу Тимоша, жена Максима) и я — на колени, Максим — на козлы, рядом с кучером. Это называется “выезд пожарной команды”»⁶⁸.

Как свидетельствует Берберова, зиму 1923–1924 гг. Горький пишет «Дело Артамоновых». Создание романа, который мемуаристка считала одним из высших достижений писателя, оттесняло «все другое, и даже померк его интерес к собственному журналу (“Беседе”) — попытке сочетать эмигрантскую и советскую литературу, из которой ничего не вышло. Работа не давала Горькому увидеть, что, в сущности, он остается один

⁶⁶ Там же. С. 209.

⁶⁷ Там же. С. 215.

⁶⁸ Там же. С. 215–216.

на один с самим собой, никого не объединив. Он ждал визу в Италию. Она пришла весной... Горький переехал в Сорренто — последнее место его заграничного житья (отсюда в 1928 г. он поехал в СССР, а 17 мая 1933 г. переехал туда окончательно). Осенью 1924 года мы последовали за ним»⁶⁹.

Так окончательно завершился немецкий период жизни и творчества Горького, который объективно и довольно полно реконструировали В.Ф. Ходасевич и Н.Н. Берберова.

Список литературы

1. Андреева И.П., Богатырева И.С., Бочаров С.Г., Бочарова И.А., Галушкин А.Ю., Зорин А.Л., Ранчин А.Б., Ратгауз М.Г. Комментарий // Ходасевич В.Ф. Собр. соч.: в 4 т. М.: Согласие, 1996. Т. 2. С. 461–571.
2. Андреева И.П., Бочаров С.Г., Зорин А.Л., Сурат И.З. Комментарий // Ходасевич В.Ф. Собр. соч.: в 4 т. М.: Согласие, 1997. Т. 3. С. 512–590.
3. Берберова Н.Н. Курсив мой. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2021. 683 с.
4. Богомолов Н.А. Комментарий // Ходасевич В.Ф. Собр. соч.: в 4 т. М.: Согласие, 1996. Т. 1: Стихотворения. Литературная критика 1906–1922. С. 491–572.
5. Богомолов Н.А. У истоков трагедии // Ходасевич В.Ф. Воспоминания о Горьком. М.: Правда, 1989. С. 3–8.
6. Вайнберг И.И. Жизнь и гибель берлинского горьковского журнала «Беседа»: по неизвестным архивным материалам и неизданной переписке // Новое литературное обозрение. 1996. № 21. С. 361–376.
7. Клинг О.А. Немецкий период А.М. Горького в реконструкции В.Ф. Ходасевича // Новый филологический вестник. 2021. № 3 (58). С. 170–178.
8. Кузнецова Анна. Ее «Курсив...» // Берберова Н.Н. Курсив мой М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2021. С. 7–18.
9. Летопись жизни и творчества А.М. Горького. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1959. Вып. 3. 1917–1929. 767 с.
10. Ходасевич В.Ф. Воспоминания о Горьком. М.: Правда, 1989.
11. Ходасевич В.Ф. Собр. соч.: в 4 т. М.: Согласие, 1996–1997.

⁶⁹ Там же. С. 216.